

Любовь СКОРИК

РОЖДЁННЫЙ С ФОТОАППАРАТОМ

Чтоб не сердить больше мастера, плотно затворяю свой неразумный рот и дальше смотрю молча. Наглядевшись до головокружения красоты и всяческих диковин, боясь вспугнуть их громким голосом, спрашиваю тихо:

– Ты родился с фотоаппаратом, да?

– Нет, – отвечает серьезно, – первый раз в руки его взял в техникуме, в Томском топо-

графическом. Не свой, конечно, – откуда? Другу родители купили. Но он как-то быстро сбил охотку да остыл. И понятно: дело-то хлопотное. Надо же было не только нащёлкать-наснимать, а после ещё плёнку проявлять, фотографии печатать, глянцевать, обрезать. Время нужно и терпение. К тому же всё это – за счёт сна. Днём-то где в общежитии найдёшь тьму непроглядную, чтобы не засветить? Только ночью, когда все уснут, в общей кухне фотолабораторию можно было устраивать. Я готов был все ночи там сидеть. Ведь прямо как в сказке. На белой бумаге вдруг появлялись мы – то в техникуме, то на военных сборах, то в колхозе, на картошке. Правда, меня-то лично на тех фотках нет: я же снимал. И фотоаппарат был чужой. Свой-то я купил, когда уже техникум окончил, в экспедициях работать начал, денег чуток подкопил. Первая моя настоящая покупка в жизни.

Пытаюсь и не могу представить себе нашего Никитича без фотоаппарата. Да он же вообще, кажется, мир воспринимает только через объектив. Ещё и вопрос, кто в этом дуэте главный, кто кому командир. Близкие давно привыкли, что их Юра в разгар самого неотложного дела, в катастрофический пик времени может вдруг бросить всё или остановить машину и прикинуть к видоискателю объектива. Тут бесполезны и крики, и доводы, и мольбы. Лишь отмахнётся: «Да ладно вам! Не пропускать же такой кадр!»

– Как же ты жил без фотоаппарата? – спрашиваю, всё ещё до конца не веря, что такое возможно и даже когда-то было.

– Плохо, – отвечает грустно на полном серьёзе, – очень плохо! Сколько в жизни упущено! До сих пор, к примеру, вижу, что и как мог бы снять на своей дальневосточной студенческой практике. Представляешь, между Хабаровском и Чукоткой. Места – фантастика! Не тронутые человеком. Тайга непроходимая – ни дорог, ни тропинок. Добрую сотню километров пришлось

– Юра, покажи мне свои фотки! – канючу я каждый из при встрече. – Хоть какие-нибудь!

Передёрнувшись от этого моего «фотки», он делавид, что не слышит.

– Господин Чурсин! Юрий Никитич! Соизвольте изойти! – Он настораживается: не принятая у нас фициальщина явно не к добру. Однако я милостиво энюю тон: – Ну покажи, чего наснимал в последней поездке! Я ведь ещё не видела.

Он сразу оживляется, добреет.

– Последняя – в Горный Алтай. Ездил солнечное зтмение снимать.

– Зачем?! – изумляюсь я. – Затмение же и здесь ыло!

– Здесь? – смотрит на меня прямо-таки с жалостью втолковывает, как ребёнку: – Там же и воздух прозрачней, и краски ярче. Потому что к небу ближе.

Делаю вид, что поняла, и, отсмотрев светило в фас профиль, снова наседаю:

– А теперь что-нибудь про море! – Тут же утонул в эдовороте лазури и золота, восхищённо ахаю: – Ой, элнышко, прямо как рыбка, из воды выныривает. Кай восход!

– Да ты что! – он испепеляет меня взглядом, явно ожалая, что связался с этой бестолковщиной. – Ты го, какой восход? Это же закат!

– Я что, закатов не видела, что ли? – не сдаюсь я. – аких не бывает!

– У нас в Сибири, может, и не бывает. А на Средиемном море – пожалуйста!

– Ух ты! А народу-то на пляже! Ну понятно – ведь редиземное.

– Да это уже Мёртвое! Неужели не видишь: и цвет оды совсем не тот, и волн здесь совсем нет. Вода же олёная, густая, тяжёлая. Её и ветер расшевелить не оужет.

идти даже без карты. Ориентиры – лишь река да заброшенная ещё с довоенных времён трасса так и не построенной железной дороги до Николаевска-на-Амуре. Зато красота сказочная! И с каждым днём всё вокруг другое, иначе. Как в кино: то пихты – в небо, а то вдруг – кедровый стланник, шишками усыпан. А мхи! По щиколотку, нога утопает. Упругие – идёшь, как по пружинному матрацу. И такое разноцветье – дух захватывает. А тамошние речки да озёра! Чистоты первозданной, рыба никем не пуганная. Не поверишь, мы с напарником рыбачили просто на кусок шпагата.

Напарник у семнадцатилетнего парнишки-студента был весьма колоритный: Лёха – только что освобождённый из тюрьмы, отсидевший «десятник» за убийство. Забросили их в тайгу вертолётном, снабдив лишь теодолитом, карабином да минимальным запасом продуктов. Без дорог и порою даже без карты продирались они сквозь непролазную тайгу. Вели съёмку, выполняли задание. Отбивались от гнуса. Кормились как могли. И голодали, и «холодали», всякое случалось. Ночёвки – кусок полиэтилена под тобой да карабин под боком.

Конечно, были эти двое в очень разных «весовых категориях» по всем параметрам: по возрасту, житейскому опыту, закалке и физической силе. Однако вчерашний зек уважал своего зелёного напарника. Должно быть, за его колючую настырность, за то, что тот никогда не ныл и, кажется, даже был доволен выпавшим на долю приключением. А скорее всего, уважал за то, что этот совсем не богатырского сложения парнишка вдобавок к теодолиту со штативом да тяжеленному рюкзаку за спиной упрямо тащил ещё и гитару. Каждый вечер у костра бережно брал её в руки и тихонько напевал.

Свою первую в жизни гитару – старенькую, дешёвенькую – Юра купил ещё на первом курсе на свою ничтожную студенческую стипендию. Урезал себя, казалось бы, в обязательных нехитрых юношеских развлечениях. Зато, заполучив свою собственную (!) гитару, каким почувствовал себя богачом! К тому времени он уже успел неизлечимо заболеть и Визбором, и Высоцким.

И с тех пор, вот уже почти 40 лет, они с ней, как и с фотоаппаратом, неразлучны. Их всегда трое. Они друг без друга просто не существуют. Только вместе – целое. Так и живут. Поначалу верховодила звонкоголосая подруга. Больно уж умела за сердце трогать, в душу войти. Однако пересилил всё же фотоаппарат. Этот, конечно, тоже для души. Но ещё и для дела, не только для тебя одного, но и для многих других.

Первые репортажные снимки Юрия Чурсина начали появляться на страницах новокузнецких газет «Металлург», «Кузнецкий рабочий». Сначала – изредка, потом – всё чаще. А вскоре и вовсе прописались там. Поскольку автор их стал штатным корреспондентом. А ведь к тому времени успел кроме техникума он и ин-

ститут окончить, и в экспедициях поработать, и профессию полученную полюбить. Однако новая, налетевшая вихрем любовь, как это обычно бывает, пересилила и победила все былые привязанности.

Несколько лет работал в городской газете «Кузнецкий рабочий», в отделе информации и спорта. Вечная погоня за событиями, скорость, стремление ухватить главное, остановить мгновение, запечатлеть, показать другим. Ох и беспокойная работа! Ничего – как раз по его характеру. Зато ничего мимо него не проходило, он всюду – в центре. Многие годы жизни родного Новокузнецка – вся перед ним, без утайки. Не всё снятое, далеко не всё, вошло в репортажи. Много лежит в его архиве. Бережно хранит он всё как великую ценность. Ведь это же – остановленные мгновения таинственно стремительно пробегающей жизни. Быть может, когда-то кому-то будет в надобность оглянуться на них. Или же просто чьё-то сердце запросится в ушедшее былое.

Со временем мало-помалу зоркий хватистый фотобъектив начал открывать одну свою сокровенную тайну. Оказывается, может он не только увидеть и запечатлеть событие, окружающую жизнь, но и способно уловить и передать нечто, казалось бы, неуловимое, эфемерное: состояние природы, её настроение, пробуждающее в душе самые разные чувства, эмоции. И порою эта эмоциональная окрашенность полученного снимка значительней его событийного содержания. В чём-то объектив даже заставлял изменить вроде бы незыблемые жизненные установки. К примеру, оказалось, что красота и радость – не всегда то же самое. Яркий нарядный цветок, поникший на сломленном стебельке, не становится менее красивым. Однако уже излучает он не радость, а навеивает грусть. А вот бледно-зелёный росток, пробившийся на проталинке среди сугробов, не сразу и заметишь. Но сколько в нём устремлённости к солнцу, скрытой силы и надежды. Как радостно на него смотреть! И как он, оказывается, красив!

Началась охота за красотой, её поиски – порой в самом обыденном, привычном. Пошли совсем иные, чем всегда, снимки: не по заказу редакции – по потребности души. Никто их нигде не ждёт, никому они, кажется, и не нужны. А именно они для него самые главные. Сам себе удивлялся. А ничего удивительного не происходило. Просто из фотожурналиста рождался фотхудожник.

Перестроечный вихрь перевернул жизнь Юрия Чурсина. Нет, у него-то самого всё было в порядке. В газете по-прежнему ждали его снимки. И для его объектива красоты вокруг не поубавилось. И у гитары голос не осип. А жить по-старому у него не получалось. Уговорить себя не мог. Всё кругом кипело, стремительно обновлялось – и где-то далеко, и совсем рядом, а у него в его-то деле – в первую очередь. Журналисты нако-

мест – совсем не пустяк для города, особенно в нынешних-то условиях. Вот если бы местные власти это ценили да не прессовали по любому поводу! А читатели-то уж давно оценили «ВестиЧа» по достоинству: и скор он, и надёжен, и выбрать у него есть из чего. В этом списке из полутысячи названий самый привлекательный может выбрать себе издание по вкусу.

– Слушай, – спрашиваю я ехидно, – а вот если я захочу покупать, к примеру, журнал про выращивание пальм в условиях тундры, а?

– Найдём в каталоге точное название, индекс, – отвечает, не моргнув глазом, – и, коль есть спрос, будет и журнал.

Впрочем, сам Юрий Никитич теперь нечасто решает такие задачи. Сын даёт ему возможность заниматься тем, чего требует его душа. Снова они всегда вместе: фотоаппарат, гитара и их хозяин. Снова эта троица там, где собираются такие же неуёмные, беспокойные, настроенные на красоту, музыку и поэзию. Не пропускает Юрий Чурсин ни одного бардовского фестиваля. К примеру, в минувшем году их у него было шесть. Прикинул он к авторской песне ещё в те юные свои годы, когда только зазвучали и вошли в сердце Визбор и Высоцкий. Каждая встреча с братьями по духу – настоящий праздник для него. Отводит там душу – поёт со всеми, общается с друзьями, открывает новые песни, без усталости снимает, потом печатает снимки, монтирует видеофильмы (видео – это недавнее его увлечение). Радует сам и радует других,

Старается разглядеть через свой фотообъектив как можно больше на нашей планете. Много путешествует. Повсюду ищет красоту – и в дальней экзотике, и в самом привычном, что рядом. На его снимках – природа, достопримечательности, люди родного Кузбасса и соседнего Алтая, Германии и Италии, Турции и Кипра, Египта и Тайланда, Японии и Святой земли. Есть в этом перечне и вовсе запредельное. Знаменитый журнал «ГЕО», зная Юрия Чурсина по фотоработам и делам, пригласил его в международную экспедицию по островам Индонезии под кодовым названием «В поисках морских цыган». Сразу предупредили, что путешествие будет экстремальным.

На утлом судёнышке небольшая группа отчаянных отправилась на поиски таинственных морских бродяг. Любовались Индийским океаном, его изумрудными островами, живописными рифами. Садись на мель. Обгорали на экваториальном солнце, становясь похожими на варёных креветок. Слегка поголодали. Почему-то не следовали примеру своего проводника – не выгрызали из панциря внутренности морских черепах, упрямо рыбачили. Парадокс: рыба не ловилась потому, что... слишком хороша. Рыбины такого размера, что шутя обрывали самую крепкую их леску. Когда всё же удавалось выловить тунца, варить-жарить его было некогда – скорее съедали сырым.

Зато уж красоты и экзотики кругом! Любовались океанскими восходами и закатами. Причаливали к островам и островочкам. На необитаемых чувствовал себя настоящими робинзонами. Там, где находили аборигенов, знакомились с ними, как могли общались. Много снимали. Ну и, конечно же, купались, плавали ныряли. Осваивали подводную съёмку. Даже играл в водное поло, предварительно освободив кусок дна морских ежей и змей. Ну, кто ещё может похвалиться таким?

Из каждого путешествия – близкого или дальнего – возвращается он переполненный впечатлениями. Привозит тысячи снимков, несколько фильмов. Посматривает сам, покажет близким, друзьям, изредка устроит где-нибудь фотовыставку. И – снова в путь. А прочие несметные богатства – в архив, который и без того переполнен.

– Скряга ты! – дразню я его. – Гобсек! Сидишь мешках с драгоценностями и радуешься. Поделитесь с народом. Ведь многое же вообще есть только у тебя. Не жадничай, обнародуй! Давай вот – в наш журнал. Не все же у нас читатели такие же бестолковые как я. Поймут, что к чему и оценят. Отбери снимки темами и – давай.

– Ладно, – соглашается легко, но тут же добавляет: – Потом как-нибудь. Сейчас некогда. Скоро бардовский фестиваль в Шерегеше. Обещал быть сам Мигель. Готовиться надо. У меня с прошлого фестиваля ещё фильм не смонтирован. Успеть бы! Вместе-то смонтировать, знаешь, как интересно! Нет, сейчас некогда!

И вот так всегда. Вечно ему некогда. Всё куда спешит, боится не успеть. Нахапает дел выше головы и разрывается. Тут главное, чтоб интересно ему было, чтоб загорелся. А коль раззадорился – не уймёшь. А как он может загораться, знаем не только мы, близкие.

И в какие только истории не вступал наш Никитич. Не то чтобы жизнь вынуждала или кто-то обязывал. Нет, ведь сам приключения на свою голову ищет, собственными руками какое-нибудь нештучное дело себе взваливает. Взять хотя бы его многолетний роман со спортом. Сам-то он не из богатырей, громких рекордов не ставил. Однако к спорту его тянуло всегда. В школе спортивной гимнастикой в секции занимался. В соревнованиях участвовал. А в остальном – как и все пацаны: футбол гонял, на коньках бегал, на велосипеде накручивал. Спортивный азарт неистребимо жил в нём. Помериться силами всегда был готов. Ни от каких состязаний не отнекивался – хоть с командой соседней улицы сразиться, хоть защищать честь своего отделения КМК, где одно время работал.

Перед настоящими спортсменами преклонялся. Однако уважал он и тех, кто просто вышел во двор, чтобы мышцы поразмять, мяч попинать или покидать. За эту самую игру сам был заводилой стихийных уличных соревнований. И кажется логичным, что на вдруг взметнувшие

и за здоровый образ жизни он сразу стал
 ых активных членов возникшего в Ново-
 одского клуба любителей бега «Ласточ-
) лет каждый день, в любое время года
 уду сотни новокузнецчан упорно одолева-
 юметры трусцой, набираясь здоровья
 гывая характер, зачастую открывая себе

иена подобных клубов по стране возникло
 овокузнецкая «Ласточка» была среди них
 случайно она четырежды (!) становилась
 леждународного московского марафона
 меется, все четыре раза Юрий Чурсин вы-
 су пробега.

золотое время. Здоровый образ жизни
 зрмой. В Новокузнецке возникло своеоб-
 тво единомышленников. Многие в этом
 дальше оздоровительного бега: обтира-
 обливались холодной водой, «морже-
 то – при категорическом отказе от спирт-
 ия это вылилось в пять абсолютно
 ых лет. Даже встреча Нового года – без
 а шампанского! Что ж, это в его стиле –
 характера ему не занимать!

ура, спорт – особый, своеобразный мир.
 нно что-то происходит, меняется, кипят
 еряются и закаляются характеры. Борьба
 иметры и секунды. А за этой борьбой
 азартно следит несметная армия болель-
 зарез необходима постоянная оператив-
 133
 дия: скрытые от их глаз подробности, от-
 иров да и просто общение, которого
 бунах, во время игр любимой команды,

щущая всё это, в 1998 году Юрий Чурсин
 ьть свою спортивную газету. Почти 10 лет
 ыл любимым изданием и спортсменов,
 в. Там они находили всю необходимую,
) информацию. Эта кузбасская газета за-
 жала даже столичные издания. На стра-
) номера «Фаната» всегда было множест-
 моменты интереснейших соревнований.
 чатлены фотоаппаратом Юрия. Он ста-
 тить ничего интересного в спортивной
 ко своего города, но и всего Кузбасса и

еловек этот – в постоянном стремитель-
 1, в неустанных поисках, в неистовом го-
 се всегда самым главным и любимым для
 стается работа с фотоаппаратом. Отыс-
 ь за тридцать земель или увидеть сов-
 то-то особенное, необычное! Разглядеть

красоту в самом обыденном, привычном! Остановить
 в кадре значимое мгновение жизни! Таких мгновений
 его копилке не счесть. Немало среди них совершенно
 уникальных. Только как бы вот умудриться почаще от-
 крывать эту сокровищницу да предьявлять скрытые
 там богатства всем нам, простым смертным?

Я-то, надо признаться, ухитрилась по-свойски
 слегка подраскулачить этого «скупого рыцаря». Когда
 нынче дело дошло до оформления моей новой книги,
 не стала обращаться к художникам. Обратилась к Ни-
 китичу. И в его несметных богатствах без особого тру-
 да нашла всё. Разве вот эта молодая стройная, но кем-
 то подрубленная и уже почти засохшая берёзка – не
 сама исковерканная судьба юной вдовы-солдатки из
 моего рассказа? А этот упрямый росток, пробивающий
 сугроб, – не наглядная картина того, что происходит
 в душе другого героя?

Но то, чем я поживилась, это же – малая капля. А вот
 как бы найти доступ к этим лежащим под спудом сокро-
 вищам? Сам их владелец отмахивается, ему не до того –
 он в постоянном жадном поиске всё новых и новых бо-
 гатств. А вот возьму-ка я себе в союзницы его Олечку,
 может, она подсобит. Вот уж послал ему Бог жену! Ведь
 не перечит его завихрениям, поперёк не встаёт, зачас-
 тую ещё и помогает. Сама с ним везде мотается, послед-
 ннее время ещё и с пятилетним внуком Игорьком.
 Сутками трясутся в машине, спят в палатке, сидят нача-
 ми у костра, слушают бардов, сами подпевают.

И во всех увлечениях своего дорогого Оля всегда
 рядом. Подставляет плечо, помогает во всём. А нер-
 редко и сама увлекается. К примеру, моржевать-то
 когда ещё они с Юрой начали. А вот и нынче в Рожде-
 ство, несмотря на морозяку, в проруби купались.

Точно, вот Олю – его верную подругу – и возьму
 себе в союзницы. Может, вместе-то мы его одолеем-
 уломаем – выкроит для святого дела в своём вечном
 «некогда» окошечко. Только вот что-то наш дорогой
 Никитич последнее время всё чаще вспоминает свою
 студенческую дальневосточную практику. Не перестаёт
 жалеть, что остались там неснятыми небывалой красо-
 ты те дивные места. Ох, не к добру это! Неровён час,
 завихрится он туда! От него же всего можно ждать.
 Ведь умудрился – как-то разыскал разбросанных по
 всей стране своих сокурсников по техникуму да и орга-
 низовал недавно их встречу в Томске – городе юности.
 Чего ещё умудрит – одному Богу известно.

– Шальной! Ей-богу, ненормальный! – припечаты-
 ваю я его своим всегдашним. А сама думаю: пока у нас
 ещё встречаются такие вот «шалые», в наш жесто-
 кий, прагматичный, напрочь запрограммированный
 век, человечество не превратится в скопище бесчув-
 ственных биороботов.

